

I.

Отъ Камушка до Сахарнаго завода и отъ Воронинскаго сада до Синички тянется огромный дворъ, огороженный высокимъ, краснымъ заборомъ, часто утыканнымъ изогнутыми, ржавыми костылями. Къ Синичкѣ примыкаетъ прудъ, густо заросшій со всѣхъ краевъ старыми деревьями, на концѣ котораго шипитъ и трясется бумаго-прядильная фабрика съ черной, закопченной трубой, а немного дальше, миновавъ оранжерею и цвѣтникъ, выглядываетъ исподлобья неуклюжій бѣлый домъ.

Домъ братьевъ Огорѣлышевыхъ.

На противоположной сторонѣ — красный флигель съ мезониномъ...

А тамъ отъ него вдоль двора фабричныя спальни, дрова, амбары.

Еще не померкла тѣнь дѣда, Павла, и много кругомъ живетъ темныхъ исторій.

Скрюченный кощей, безъ всякой растительности на морщинистомъ лицѣ, съ лукаво-острыми глазками, наводилъ онъ на всякаго, съ кѣмъ сталкивался, неимоверный ужасъ. Городъ же крѣпко держался своего головы, гордясь умомъ и упорствомъ, съ которыми велъ тотъ свою линію, выдвигал и охраняя купечество. Всѣ ходили пришибленные и запуганные, за завтрашній же день не боялись: не выдастъ. Въ семейной жизни слылъ столпомъ. Женился рано, безъ любви, только потому, что Серафима была затворницею, въ монастырь итти собиралась: красавица со скитской поволокой темныхъ, глубокихъ глазъ подвижницы, съ тонкимъ разрѣзомъ губъ сладостно-тихо улыбающейся мученицы. Скоро она надоѣла ему и принуждена была хорониться въ дѣтской, вынося смиренно свою жизнь.

«Серафима, угодница Божья,—приступалъ, бывало, старикъ,—на кухнѣ тамъ дѣвочка стоитъ одна, зябленькая, сироточка... Пригрѣй ты ее, ножки ты ей худенькія обмой, грудочки приласкай, хе-хе-хе»...

А самъ трясется весь, губа ходуномъ ходить, отмачивается.

Нищенку послѣ омовенія вводили въ кабинетъ, да въ стороны шарахались отъ крика безпомощнаго, наполнявшаго весь домъ...

Послѣ его смерти, дѣло и капиталы перешли къ сыновьямъ, изъ которыхъ быстрѣе всѣхъ выдвинулся старшій. Въ центрѣ города открылся банкъ, на Кавказѣ—керосинное дѣло, въ Средней Азіи—хлопокъ,—и вездѣ во главѣ стоялъ Алексѣй. Скоро выбрали его предсѣдателемъ биржевого комитета, и съ этихъ поръ началась его настоящая дѣятельность и та слава, которая увѣковѣчила имя Огорѣлыхъ. Сталъ извѣстенъ на всю Россію. Проводилъ и останавливалъ законы. И этого маленькаго и юркаго человѣка, окончившаго какой-то нѣмецкій пансіонъ, слушались, ненавидѣли и льстили.

Въ дѣтствѣ его баловали, Ленечку къ ранней обѣдѣ не будили, Ленечкѣ покушать давалось самое лучшее.

«Икорку то Ленечкѣ оставьте!»—ныла мать, перенесшая свои васильковыя слезы съ Лучезарнаго Жениха на первенца.

Сгорбленный, съ сведенными крючковатыми руками, заросшій перьяшливо-подстриженной, колючей бородой, онъ не ходилъ, а странно шмыгалъ, будто ноги были сами собой, чѣмъ-то сла-

бымъ, земнымъ и ничтожнымъ, за плечами же развѣвались тончайшія крылья, неустоимо разсѣкавшія воздухъ.

«Антихристъ, честное слово! — говорили фабричные, — и ходить-то путно не можетъ, летаетъ дьяволъ, сатана рогатая».

Правда, что-то шишло, когда онъ шелъ, а глаза сѣрые, непроницаемые, кололи пронзрливыми остріями, которыя, вонзаясь, выворачивали и расцарапывали всю душу.

Возиться съ фабрикой Алексѣю не было времени, и все управленіе понемногу перешло въ руки второго Игнатія, который всю свою молодость прожилъ въ Англіи, знакомясь и изучая тамошніе порядки.

Когда-то красавецъ и теперь ничему не удивлявшійся сѣдой Донъ-Жуанъ съ грустящими губами — тѣнью неустоленныхъ поцѣлueвъ, — оставался онъ холостякомъ, развлекался садоводствомъ и благотворительностью. Управленіе фабрикой занимало такъ мало времени: все было палажено и круто втиснуто въ крѣпкія рамки.

Третій — Николай, восхищавшій весь городъ своей утонченностью и пріятностью, рано женился на миллионершѣ Ворониной, числился директоромъ множества фабрикъ и, ровню ничего не дѣлая, вѣчно былъ занятъ.

Когда о чемъ-нибудь его просили, онъ морщился и, изящно отмахиваясь обѣими руками, говорилъ своимъ милымъ голосомъ: «Ахъ, право, мнѣ некогда: сегодня опять бѣжать усмирять этихъ негодяевъ, потомъ на вечеръ къ князю»... Но больше знали и больше цѣнили Николая за границы, гдѣ славился онъ величайшимъ цѣнителемъ и покровителемъ тайныхъ и запретныхъ притонвъ...

Всѣхъ ихъ объединяла одна черта, выражавшаяся наиболѣе ярко въ старшемъ: гдѣ-то въ окаменѣвшей улыбкѣ хоронилось затаенное желаніе взять, достать что-нибудь только потому, что такъ нельзя этого взять, преступно.

Попадется ему человѣкъ, обрѣтшій въ жизни благовѣщеніе, и вотъ загорается, закипаетъ въ немъ желаніе умертвить мечту человѣка.

Такъ разрушались жизни, загонялись жизни въ подполья, калѣчились.

Единственную сестру свою Вареньку, двойника матери, по общему рѣшенію насильно замужъ выдали.

Варенька воспитывалась дома. Ходили учителя. Дѣвочка росла смышленная и пытливая; глядѣли за ней мало. Ходила она по субботамъ въ приходскую церковь къ Грузинской, но были и еще какія-то знакомства, о которыхъ знала одна нянька. Братья съ ней не разговаривали, да и она избѣгала ихъ.

Какъ-то на первые заморозки, въ свѣтлую звѣздную ночь, въ домѣ необычайно засуетились, а потомъ жутко примолкли. Варенька сидѣла въ кабинетѣ брата, Алексѣй допрашивалъ. Онъ метался, какъ ужаленный, топалъ ногами и, подбѣгая къ столу, нервно тыкалъ въ свертокъ съ книгами, только что отобраннѣй у нея. Варенька упорно молчала, мертвѣла, и темные глаза заволакивались темной, безмолвной слезою.

«Такъ пошла вонъ!»—закричалъ вдругъ взбѣсившійся голосъ и, разбившись на тысячу рѣжущихъ криковъ, разсѣкъ трепетавшее затишье и ожиданье комнатъ.

Черезъ недѣлю объявлена была свадьба.

Почему Варенька на улицу не сбѣжала, почему не задушила себя, зачѣмъ наканунѣ долгую ночь по сугробамъ бродила, заглядывала въ дымящую черную прорубь, зачѣмъ взяла на себя крестъ своей матери...

«Господи, подкрѣпи меня!»

Покорилась, пошла подъ вѣнецъ.

«Не бывать барышнѣ нашей счастья въ замужествѣ, — охали по двору, — лошадь не повезла».

Началась жизнь съ чужимъ у чужихъ въ темномъ, облупляющемъ домѣ за рѣкой.

Елисей Финогеновъ, крутой и тяжелый, старше Вареньки лѣтъ на двадцать, вдовецъ съ кучей полувзрослыхъ дѣтей, жену держалъ строго.

«Пожили бы вы, какъ я жилъ, — ворчалъ онъ, — погнули-бъ хребты, не то бы заговорили: театры-то эти выбросили бы изъ головы. Однѣ траты, а копѣйка съ вѣтру въ карманъ не валится».

Жизнь его была нелегкая. Изголодавшійся мужикъ — отецъ привелъ въ городъ своего Елеську, почернѣвшаго и шелудиваго отъ сѣрой, деревенской нужды, и опредѣлил въ лавку Толокова мальчишкой. Елеська росъ, за кипяткомъ бѣгалъ, тычка получалъ, ситцы таскалъ, даже кровь носомъ хлестала. А вы-

ровнялся и сметливымъ оказался. Хозяинъ безъ него и шагу не ступить: счета какіе-то выдумалъ, прибыльные. На пятнадцатомъ году произвели въ приказчики. Прибаутчикомъ да насмѣшникомъ слылъ и на гармоникѣ игралъ и пѣсни пѣлъ: голосъ нѣжный, такъ въ душу и просится. Хозяйкѣ-старухѣ очень по душѣ пришелся за набожность. Скоро повысили въ главные. Теперь Елисей разбѣжаль за товарами, бывалъ и за границей. Какъ-то вернулся домой да не одинъ, а съ женой, нѣмкой. Умеръ Толоковъ. До наследниковъ все хозяйство перешло въ его руки; пожилъ нѣсколько лѣтъ управляющимъ, тамъ отошелъ и свое дѣло открылъ.

Хаживалъ на биржу, понравился Алексѣю.

«Елисей—человѣкъ вѣрный, — говорилъ тотъ, — безъ мыла, куда хошь влѣзетъ».

Нѣмка зачахла, не вынесла.

Когда отдали Вареньку, онъ поднимался все выше и выше вровень съ Огорѣлышевыми. И все было хорошо, одно мучило: дѣти не въ отца пошли. Хоть и пристроилъ ихъ по лавкамъ, да толку мало. Дочь Ефросинью замужъ выдалъ, и тоже неудачно.

Пять лѣтъ прожила Варенька въ домѣ. Никто у нихъ не бывалъ, и они никуда не выѣзжали, кромѣ ярмарки, да къ Огорѣлышевымъ въ праздникъ.

Что за эти годы вытерпѣла, какія рождались и умирали думы въ ея изболѣвшемъ сердцѣ, — она никому не сказала. Цѣлыми днями молча ходила по высокимъ, холодящимъ комнатамъ, а вечеръ придетъ, сядетъ въ углу гдѣ-нибудь и слушаетъ: въ дѣтской колыбельки поскрипываютъ, баюкаютъ—въ приказчицѣй—гармоника, едва слышная; кажется, звуки черезъ полъ проползаютъ; на половинѣ другихъ дѣтей—смѣхъ, сдвинутые выкрики и говоръ частый, слитный.

Золотой крестъ матери выросталъ въ крестъ—висѣлицу. Чьи то руки пригвождали къ кресту... и умиралась она, рвалась.

Бунтовалось сердце.

Растоптать бы тогда крестъ матери...

Измучается, истерзается, да, обезсиленная, тихая отъ грызущей тоски, съ отчаянія къ мужу пойдетъ...

Чуялъ ли онъ бѣду въ ея порывистыхъ ласкахъ, въ этихъ отчаянныхъ поцѣлуяхъ, въ этомъ опаляющемъ дыханіи?

Любилъ ее.

«Я съ тобой!»—вотъ и все.

Какъ-то старшій пасынокъ, Василій, давно ухаживавшій за Варенькой, посягнулъ...

Собрали дѣтей и, не дожидаясь мужа, прямо къ братьямъ.

Веселая ночь была, звѣздная, шумно—весенняя.

Засуетились по дому, молчаніе наступило страшнѣе того. Кричали. А вышли оба безмолвные. Темные глаза ея, казалось, посѣдѣли, а Алексѣй синій, мертвецомъ выглядить, и шея завязана носовымъ платкомъ... Душили что ли другъ друга? — Богъ знаетъ.

Лѣто прожила на дачѣ, а къ зимѣ во флигель переѣхала.

Положили выдавать ей на жизнь какую-то сумму, а приданое въ дѣло отобрали.

Очень огорчился Елисей, умолялъ вернуться, въ ноги ей кланялся, но такъ и уѣхалъ ни съ дѣмъ.

Варенька сразу затихла: бросилась—духъ захватило. Тамъ, въ ея желаніяхъ — этой пучинѣ извивающихся рукъ — оборвалось что-то, что-то смѣшалось и кануло. Оставались жалобы, воздухъ жалобъ, переполнившій все сердце, и больное, блѣдное, «хочу» тихо плакало.

Фабричный свистокъ да колокольный звонъ Андроніева монастыря, возвышавшагося за пустыремъ и Синичкой, сторожили ея жизнь.

Изрѣдка ходила въ гости, въ театръ, а большую часть оставалась одна съ дѣтьми. Ихъ было четверо, всѣ мальчики: Саша, Петя, Женья и послѣдышъ—Коля, всѣ погодки.

Братья Вареньки заходили къ ней только въ именины, а Николай за недосугомъ коробку конфетъ присылалъ.

Гостей не бывало, кромѣ забѣгавшей Палагеи Семеновны, какой-то дальней родственницы Огорѣлышевыхъ.

Когда дѣти чуть подросли, открылись передъ ними улица и дворъ съ ихъ обостренной борьбой за нищенскую жизнь, съ безобразнымъ разгуломъ, со смертью уѣчной, безпощадною.

Старики — фабричные любили Вареньку, и это передавалось молодымъ, а по ней и дѣтямъ честь шла.

И дѣти очень любили ихъ. Тянула та ласковость, съ которой обходились съ ними всѣ эти люди.

Бѣгали въ сторожку, коморки, будку и тамъ пили чай жиденькій въ прикуску и ѣли картошку и тюрю съ мелко-накрошеннымъ лукомъ. Фабричныя дѣти водились съ ними: дрались и играли, рассказывали о пинкахъ и оплеухахъ, и какъ ихъ штрафуютъ и порютъ.

Племянники не иначе называли своихъ дядей, какъ хозяева, и повторяли фабричныя прозвища: «Алешка-антихристъ», «Игнатка-англичанинъ-змѣя», «Миколка-скусный». Стариковъ же, всѣхъ этихъ Никифоровъ, Демьяновъ, Ивановъ, величали дяденьками и дѣдушками.

II.

Зимнія сумерки снѣжныя, тихія...

Онѣ видятся маленькому курносенькому Колѣ сквозь пустую звѣздочку, прожженную папирсой на оборкѣ дивана.

Онѣ лежитъ на полу подъ диваномъ, скорчившись и неловко, какъ связанные телята на возу-лоткѣ, когда везутъ ихъ на бойню за Андроніевъ монастырь. Каждый день медленно и томительно тянутся такіе возы мимо дома, и всегда онѣ бѣжитъ смотрѣть на болтающіеся языки и мягкое, полуживое, вздрагивающее тѣло.

Надъ головой вплотную спускается сидѣнье дивана, тяжелое и темное, въ паутинѣ; если оно провалится, то и тѣлице его расплющится, какъ лягушка, которую раздавилъ какъ-то дворникъ Кузьма своимъ огромнымъ, явлочнымъ сапогомъ.

Пыль забирается въ носъ, душитъ, а глазамъ такъ больно.

Надъ нимъ сидитъ его крестная, Палагея Семеновна и мать. Палагея Семеновна болтаетъ ногой и, захлебываясь, рассказываетъ.

Она послѣ долгаго перерыва беременна и боится, какъ бы не повредить; Сергѣй Аркадьевичъ, докторъ, сказалъ, роды будутъ тяжелые, пожалуй, операція.

Страшно захотѣлось Колѣ чихнуть, даже глаза закололо, а по всему лицу забѣгали мелкія, щекочущія мурашки. И хорошо бы покашлять громко и нѣсколько разъ!

— Покойный Елисей Федоровичъ,—звенить голосъ Палагея Семеновны,—послѣ вашего развода, Варенька, сошелся съ горничной Сашей; ну, помнишь, такая тощая съ ямкой между бровями; такъ вотъ, теперь съ ней живетъ Василій. Просто ужасъ, ужасъ.

Да, вчера А. рассказывалъ удивительныя вещи: отъ вашего наслѣдства, кажется, ничего не останется: домъ продаютъ, страшно кутятъ, въ магазинѣ никогда не видно. Я не могу представить, какъ ты могла прожить съ ними. А Ороню, знаешь, говорятъ, на бульварѣ видѣли съ кавалерами... Да-да, съ кавалерами. Прямо неприлично.

Крестная зашептала.

Коля перестаетъ дышать.

— Выкидышъ... вытравляли... до желтаго билета.

Больше не разбираетъ.

Ножки стола и креселъ покрываются чѣмъ-то чернымъ, словно копотью, и толстѣютъ. Коверъ разбухъ и зашаршавился, будто мясистая шкура какого-то невиданнаго звѣря на ярко—раскрашенныхъ картинахъ.

Сморкаются.

Запахло духами.

· Ставить на столъ лампу.

· Это—Маша, горничная, высокая и красивая съ завитками на лбу.

— Готовъ ли чай?—говорить мать.—Поторопись, пожалуйста.

Коля осторожно переворачивается, учащенно дышитъ. Лѣвая нога у него затекла, въ ней будто песокъ, и она кажется такой огромной, чужой.

Цвѣты на коврѣ сразу стали яркими и большими, мѣдныя ножки креселъ, словно подсвѣчники или пожарныя каски.

Маша уходитъ.

У нея новыя ботинки на высокихъ коблукахъ, а не стучать,—

это Филиппокъ ей сдѣлалъ. Со временемъ и у Коли такіе сапоги будутъ, теперь же у него тяжелые и скрипучіе.

Палагея Семеновна опять затараторила, словно чему-то обрадовалась.

Шелковые юбки зашуршали.

— Вчера у Л. былъ А. С., мы были поражены: никто не могъ ожидать. П. П. на прошлой пятницѣ прозрачно намекнулъ при всѣхъ, что ихъ отношенія для него не тайна. А Лизочка, право, такая наивная! Ну, представь, Варенька, вѣдь, это ужасный человѣкъ: К. А., О. М., Е. И. и теперь Лизочка. Право, какъ-то...

Да! на рожденіе Тани, Н. П. взялъ Катю на руки и при всѣхъ,—мы только что вышли изъ залы, они фокусника приглашали, чудный фокусникъ,—понимаешь, при всѣхъ, показываетъ на А. Е.: „Смотри,—говоритъ,—Катя, вонъ твой настоящій папа“. Бѣдненькая Ксенечка не знала, что дѣлать. А. Е. поблѣднѣлъ, какъ полотно. Словомъ, сплошная нетактичность. Мы просто не знали, куда дѣваться... Да!

Опять шепчетъ.

— К. Ѳ... кафъ... афъ...

Коля напрягается что есть силы, а понять ничего не можетъ. Онъ усталъ, въ спину что-то колетъ, словно булавкой.

Среди груды именъ и мудреныхъ словъ вытягиваются заглавные буквы—иниціалы знакомыхъ въ длинные уродливые завитки, туманно-огненные. Они прыгаютъ и звенятъ.

Онъ привыкъ къ нимъ, слышитъ съ осени, когда впервые залѣзъ подъ диванъ и наострилъ уши.

Съ нынѣшняго лѣта началась для Коли новая жизнь. Раньше онъ былъ не такимъ: ужъ сталъ вспоминать что-то хорошее, что было когда-то третьяго года, сталъ скучать.

Весной умеръ отецъ. Коля помнитъ большого человѣка, непремѣнно въ майской бѣлой парѣ, съ драгоценнымъ перстнемъ на волосатомъ пальцѣ. Черные, большіе усы, колкіе, когда цѣловался въ губы и лобъ. Пріѣзжалъ онъ по воскресеньямъ, обѣдалъ, и всегда была лапша и черная каша. Когда выходили изъ-за стола, въ кухнѣ ужъ поджидалъ кучеръ, Говрило, и долго каталъ дѣтей съ нянькой по городу.